

И. Ю. Александров

Концепция русского космизма С. Г. Семеновой

Светлана Григорьевна Семенова, крупный литературовед, доктор филологических наук, была горячей сторонницей «учения о воскрешении» Н. Ф. Федорова. Благодаря усилиям Семеновой в нашей стране в 1982 г. было издано однотомное собрание сочинений Н. Ф. Федорова, роль которого чрезвычайно велика в формировании в годы «перестройки» эклектичной концепции русского космизма. В концепции русского космизма С. Г. Семеновой родоначальником этого направления научной, религиозно-философской и художественной мысли является Н. Ф. Федоров, хотя космисты в России были задолго до него. Для С. Г. Семеновой центральной и наиболее существенной идеей русского космизма является идея полной победы над смертью. Однако с представлением о личном бессмертии, которое понимается как бессмертие в неизменном теле, соглашались далеко не все русские космисты. Это представление С. Г. Семеновой близко к трансгуманизму. Близко к трансгуманистическим представлениям и отсутствие строгой границы между живым и неживым в трудах С. Г. Семеновой. «Учение о воскрешении» Н. Ф. Федорова основывается на очень спорных толкованиях библейских текстов. Это подход акцентирует магические аспекты в текстах Нового Завета. В статье показано, как С. Г. Семенова последовательно добивалась признания Н. Ф. Федорова крупным мыслителем, равным В. И. Вернадскому и другим ученым-космистам. Однако учение Н. Ф. Федорова не содержит научных положений. Это современное религиозное учение с огромной верой в будущие возможности человечества.

Ключевые слова: русский космизм, культурное пространство, период перестройки, В. И. Вернадский, учение Н. Ф. Федорова о воскрешении, трансгуманизм

Ilya Y. Alexandrov

The concept of Russian cosmism by S. G. Semenova

Svetlana Grigoryevna Semenova, a major literary critic, Doctor of Philology, was an ardent supporter of the «doctrine of resurrection» by N. F. Fedorov. Thanks to the efforts of Semenova in our country in 1982, a one-volume collection of works by N. F. Fedorov was published, whose role is extremely great in the formation of the eclectic concept of Russian cosmism during the years of «perestroika». In the concept of Russian cosmism by S. G. Semenova, N. F. Fedorov is the founder of this direction of scientific, religious, philosophical and artistic thought, although cosmists in Russia were long before him. For S. G. Semenova, the central and most essential idea of Russian cosmism is the idea of complete victory over death. However, not all Russian cosmists agreed with the idea of personal immortality, which is understood as immortality in an unchangeable body. This idea of S. G. Semenova is close to transhumanism. The absence of a strict boundary between the living and the inanimate in the works of S. G. Semenova is also close to transhumanistic ideas. «The Doctrine of Resurrection» by N. F. Fedorov is based on very controversial interpretations of biblical texts. This approach emphasizes the magical aspects in the texts of the New Testament. The article shows how S. G. Semenova consistently sought recognition of N. F. Fedorov as a major thinker equal to V. I. Vernadsky and other scientists-cosmists. However, the teaching of N. F. Fedorov does not contain scientific provisions. This is a modern religious teaching with great faith in the future possibilities of humanity.

Keywords: Russian cosmism, cultural space, period of perestroika, V. I. Vernadsky, N. F. Fedorov's teaching on resurrection, transhumanism

DOI

Светлана Григорьевна Семенова (1941–2014), крупный литературовед, доктор филологических наук, сыграла особую роль в формировании целостной концепции русского космизма. Занимавшаяся исследованиями французской литературы в 1960-х гг., в начале следующего десятиле-

тия она познакомилась с трудами Н. Ф. Федорова и стала горячей сторонницей его «учения о воскрешении». Публичная пропаганда религиозных представлений в СССР была невозможна, именно настойчивости С. Г. Семеновой академическое сообщество в нашей стране обязано первым публика-

циям этого отечественного мыслителя, предложившего свою оригинальную трактовку библейских текстов. Понятие «русский космизм» на рубеже 1960–1970-х гг. уже появилось, но оно не казалось в те годы чем-то значимым, поскольку в европейской философии никто не выделял в качестве отдельных школ космизм немецкий или французский. Представляется важным отследить не просто историю становления русского космизма, а историю перетолкования русского космизма в отождествление этого направления отечественной мысли с «учением о воскрешении» Н. Ф. Федорова, которое осуществили С. Г. Семенова.

Идеи литературно-философского наследия Н. Ф. Федорова были известны на Западе без соотнесения их с русским космизмом. Так, С. В. Утехин в своем исследовании истории русской политической мысли относит Н. Ф. Федорова к представителям «религиозного социализма», признавая, что сам Федоров себя социалистом не считал [1, р. 177]. Утехин рассматривает влияние идей Н. Ф. Федорова на А. Богданова, М. Горького, В. В. Маяковского, Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова, утверждает, что федоровское представление о необходимости преобразования природы было частью официальной советской доктрины, как в довоенное, так и в послевоенное время [1, р. 178–179, 194, 211, 241]. Удачным является отнесение влияния идей Н. Ф. Федорова на советскую культуру Дж. Клайном к «научно-техническому метеанизму» [2, р. 164]. Атеистическая интеллигенция, остро переживавшая ужас смерти, в противовес официальному марксизму надеялась на то, что рано или поздно наука сможет добиться бессмертия человеческих тел. Такого рода достаточно распространенные в атеистическом советском культурном пространстве имморталистические надежды лишены были важной для Н. Ф. Федорова опоры на христианские представления.

Существенную роль в формировании представления о русском космизме в нашей стране сыграли проводимые с 1966 г. в Калуге ежегодные Научные Чтения памяти К. Э. Циолковского. В одной из первых статей, посвященных общности идей отечественных космистов, Л. В. Головановым был поставлен вопрос о вероятности знакомства юного Циолковского, которого взял под свою опеку библиотекарь Румянцевской библиотеки Н. Ф. Федоров, с его философскими воззрениями. Аргумента-

ция Голованова сводится к тому, что Федоров «лишь намекнул на них – достаточно было намек, чтобы воспламенить пылкое воображение» [3, с. 12]. Сам Циолковский утверждал, что с идеями Федорова познакомился уже после его смерти и ссылаясь на увлечение романами Ж. Верна, направившими его воображение к космической тематике. По версии самого Циолковского, разговоры о космосе с ним Федоров «находил, видимо, преждевременными» [4, с. 228]. В концепции русского космизма С. Г. Семеновой с Н. Ф. Федоровым в качестве «родоначальника» этого направления в отечественной научной, религиозно-философской и художественной мысли существенную роль играет цепочка преемственности Федоров-Циолковский-Чижевский. Исследователи зачастую выдают желаемое за действительное, когда приписывают Федорову передачу основ «учения о воскрешении» юному Циолковскому. С большой натяжкой можно говорить о какой-либо общей научно-философской школе русского космизма даже в наши дни. Об ученической преемственности речь может идти только применительно к федоровцам, но Циолковский и Чижевский – не из их числа.

В первой словарной статье с упоминанием словосочетания «русский космизм» Р. А. Гальцева не выделяет Н. Ф. Федорова в качестве «родоначальника» этого направления в отечественной мысли. Более того Н. Ф. Федоров, наряду с П. А. Флоренским, к русскому космизму ею отнесены лишь «отчасти» [5, с. 624]. Для Гальцевой представление о гомеостазисе – это то общее, что связывает концепции русских космистов. Представление о поддержании равновесия в системе «Вселенная-человечество», разумном преобразовании космоса, не нарушающем это состояние, характеризует космизм Вернадского, Циолковского и Чижевского. Гальцева справедливо указывает на необратимость эволюции живого вещества и его усложнения в учении Вернадского. Оптимистичный идеал ноосферы – этот «триумф жизни» и наступление «прекрасного будущего» для человечества – у Вернадского гарантированы тем, что «человеческое и социальное бытие включено в качестве звена в эволюционный процесс, predeterminedный природными законами» [5, с. 625]. Эволюция жизни на Земле в учении Вернадского – это проявление общекосмических законов развития, возникновение ноосферы неотвратимо. Для

Концепция русского космизма С. Г. Семенов

концепции русского космизма С. Г. Семенов с Н. Ф. Федоровым в качестве его «родоначальника» важно понятие «активной эволюции», с помощью введения которого эта исследовательница сделала попытку сблизить представления не только Федорова и Вернадского, но и таких мыслителей, как Ауробиндо Гхош и П. Т. де Шарден.

Программный для учения Н. Ф. Федорова тезис о «необходимости войны с природой», однако, антиэволюционный. Никто из русских космистов кроме Федорова и его последователей с природой воевать не предлагал. Так, Н. Н. Моисеев в 80-х гг. XX в. выдвинул «экологический императив», суть которого в необходимости не нарушать те параметры биосферы, непродуманное изменение которых может вызвать катастрофические изменения на планете. Моисеев, основываясь на математических расчетах, пророчески писал о том, что «не только всемирный ядерный конфликт, но и незаметные эволюционные изменения способны перевести эволюцию на те рельсы, где места человеку уже не будет» [6, с. 44–45]. Тезис о несовершенстве природы связан с утопичными и очень опасными трансгуманистическими перспективами культуры. Современные научно-технические возможности при упрощенных, редуционистских представлениях о живом, изучаемом вне космических влияний на его функционирование, способны породить монстров. Концепция коэволюции человека и природы Н. Н. Моисеева избегает двух крайностей: как стремления к полному господству над природой, так и смирения перед ней. Отмечу, что сам Н. Н. Моисеев при этом рассматривал учение Н. Ф. Федорова как «один из идейных источников современной системы взглядов о коэволюции общества и природы» [6, с. 19] и максимально сблизил его с собственным тезисом о коэволюции биосферы и человека. Федоров же утверждает, что «природа нам враг временный, а друг вечный, потому что нет вражды вечной, а устранение временной есть наша задача, задача существ, наделенных чувством и разумом» [7, с. 239]. В заметке, полное название которой «Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присутствующий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг временный?», Федоров врагом природу объявляет до те пор, «пока мы бессильны, пока мы не стали ее волею, [...] пока мы не составляем ее разума» [7, с. 239]. Вместо непрерывных эволюционных изменений в учении Фе-

дорова выделяются только два состояния: несовершенное, разобщенное, небратское состояние, в котором природа – это враг, а также состояние, когда объединенное общей задачей человечество искореняет смерть, обретает сверхспособности, фактически заменяя Бога. Выше и кроме такого объединенного человечества, победившего смерть, никого в космосе и не остается, – наступает утопическое состояние братства, родства, дружбы. Такая космическая утопия не предполагает какой-либо последующей конкуренции, вера федоровцев в последующее творческое развитие этих достигших «полноорганности» сверхлюдей напоминает веру трансгуманистов в бесконечную способность киборгов к самооптимизации. Вопреки опоре Н. Ф. Федорова на библейские представления, не воле Создателя он считает должным следовать, но хочет безгранично владычествовать над природой.

В воспоминаниях Н. П. Петерсона о его тогда студента-революционере, материалиста и сторонника эволюционных представлений встрече с сорокалетним Н. Ф. Федоровым С. Г. Семенова акцентирует именно полемику об эволюции. Встреча произошла в 1864 г., в котором на русский язык был переведен труд Ч. Дарвина «Происхождение видов». Федоров в этой беседе упрекает эволюционистов в неразумном ее характере, у них «разум никакого значения в экономии природы не имеет» [8, с. 33]. Упрекает Федоров сторонников эволюционных взглядов в признании неизбежности смерти и исчезновении всего создаваемого людьми. Сам Федоров, будучи аскетом, живущим своей мечтой победы над смертью, в этом споре на деле намного материалистичней, привязанней к этому миру, чем первый пропагандист его учения Петерсон. Если европейская платоно-христианская традиция (шире – и религиозно-философские традиции Востока) к телесности относилась, как к временной оболочке для совершенствующегося духовного начала, то в трудах Федорова отсутствует интерес к работе над преодолением худшего в своем характере. Как таковой мир человеческой мысли для Федорова – это нечто отвлеченное и несущественное, философия – нечто незрелое, не доросшее до осознания долга живущих перед ушедшими поколениями. В текстах Нового Завета содержатся многочисленные свидетельства того, что не мир сей является целью христианина [9–12]. Федоров же видит задачу сынов человеческих

в полной победе над смертью, в возвращении мира в нетленное состояние, в котором он находился до изгнания Адама с Евой из Эдемского сада. Федоровцы в полемике с различными современными духовными учениями позиционируют себя христианами. Вместе с тем понятие «активная эволюция», введенное С. Г. Семеновой, находится в противоречии со средневековыми христианскими представлениями, никакой эволюции не допускающими. Показательно, что протоиерей К. Буфеев, кандидат геолого-минералогических наук, в популярной среди православных книге отрицает эволюцию, как в дарвиновском понимании, так и различные древние и современные учения с любыми намеками на эволюцию в природе. С точки зрения крайне консервативного Буфеева, виды постоянны, эволюция видов – научный вымысел, Бог сотворил животных и растения одновременно неизменными. Ученые, по мнению протоиерея, не в состоянии предоставить доказательства существования переходных видов [13, с. 144].

Магическая составляющая в интерпретации Федоровым библейских сюжетов вытесняет нравственную. Согласно Федорову, «сущность православия заключается в долге воскрешения» [7, с. 44]. Вся полнота христианской молитвы Федоров сводит к «молитве целым „миром“ о всех умерших к Богу отцов о возвращении им жизни» [7, с. 41]. Федоров абсолютизирует евангельский эпизод с воскрешением Лазаря. С его точки зрения, «во всей жизни Христа не было более важного события, чем воскрешения Лазаря» [7, с. 59].

Этот поступок Христа, согласно учению Федорова, был «величайшим нравственным подвигом, жертвованием собственной жизнью для возвращения жизни „другу“» и именно этим поступком Христос «открывает и всем сынам человеческим истинный смысл и истинную цель жизни» [7, с. 58]. Подтверждение открывшегося ему «заповедного призыва к активности человека» [8, с. 41] Федоров находит в словах Христа: «Дела, которые Я творю, и вы сотворите и больше сих сотворите» [14; 7, с. 41]. В понимании Н. Ф. Федорова Христос показал людям пример воскресительной практики и ожидал от них соответствующих дел. У С. Г. Семеновой и последователей «учения о воскрешении» Н. Ф. Федоров выступает в роли космического пророка, чье учение коренным образом

изменяет человеческую культуру, указывая горизонты бессмертия, подчинения воле людей времени, пространства и движения небесных светил. Обращает на себя внимание, что С. Г. Семенова при трактовке этого евангельского сюжета личное местоимение «Его» пишет с прописной буквы применительно к Христу, но фраза очень двусмысленная, сказанное отчасти можно отнести и к Н. Ф. Федорову: «... а размах дел Его был всеобъемлющ, включал не только нравственную проповедь (так прежде всего и опознали его „дело“), но и управление силами природы (утишал бури, ходил по водам), исцеление больных и, наконец, его Дело дел: воскрешение из мертвых» [8, с. 41]. Магическая трактовка федоровцами совершенных Христом воскрешений людей подменяет суть пробуждения этих «спящих» [15–17], а также присутствовавших при совершении чудес к духовной жизни. Для сравнения, Ориген в гомилии шестой на Исаию поясняет, что Христос завещает духовную работу своим последователям, но не магию: «Вы сотворите большее, нежели телесные дела, которые Я совершил. Я воскресил из мертвых телесно, вы будете воскрешать из мертвых духовно. Я слепым влил этот чувственный свет, вы дадите духовный свет незрячим» [18, с. 47].

В комментариях к первой за советские годы публикации небольшой статьи Н. Ф. Федорова «„Фауст“ Гете и народная легенда о Фаусте» С. Г. Семенова разъяснила некоторые положения «учения о воскрешении», указала влияние его идей на Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, В. Я. Брюсова, А. М. Горького и др., выделила идеи Федорова, «провозвещающие „космическую эру“» [19, с. 312]. Упоминаний русского космизма здесь пока нет, нет и указания на особую роль создателя «учения о воскрешении». Решающими в продвижении концепции русского космизма с особым статусом Н. Ф. Федорова стали две публикации Семеновой 1977–1978 гг. Публикация С. Г. Семеновой в № 11 «Прометей» за 1977 г. фактически представляет собой первый российский трансгуманистический манифест еще до возникновения трансгуманизма.

Здесь Семенова отмечает, что «человек у Федорова – единственно мыслящее космическое существо, которому принадлежит роль хозяина и преобразователя всего мироздания» [20, с. 102]. Космос Федорова и последователей его идей пусть, в

нем нет ни Бога, ни ангельской иерархии, ни античных даймонов. Новоевропейская идея переделки мира предстает здесь в масштабах космических. Этот мертвый космос, который должен быть преобразован и заселен воскрешаемыми «отцами», ничего общего не имеет со средневековыми христианскими представлениями о человеке, который послушался Бога и был изгнан из Эдемского сада. В № 11 «Прометей» С. Г. Семенова искусственно сближает концепцию автотрофности В. И. Вернадского с учением Н. Ф. Федорова о покорении небесных пространств и миров на той стадии, когда «он будет воссоздавать себя из первоначальных веществ, атомов и молекул» [21, с. 405]. У Вернадского автотрофность – это предположение о последующем этапе космической эволюции, на котором человечество не будет нуждаться в растительном и животном питании и сможет использовать солнечную энергию непосредственно без этой трофической цепочки. Граница между живым и косным веществом для Вернадского принципиально важна, создатель биогеохимии в своих работах нигде не утверждает, что будущее человека связано с гибридом живого и технического. По мнению Семеновой, предложенная Н. Ф. Федоровым схема будущего человеческого организма, который «осуществляет непрерывное творческое самосозидание, основанное на всеобъемлющем знании „метаморфозы вещества“, широко включает в себя также „искусственное“, элементы, сконструированные самим человеком» [20, с. 97]. Семенова поясняет свою мысль, ссылаясь на астрофизика И. С. Шкловского, по мнению которого успехи молекулярной биологии и кибернетики неизбежно приведут в будущем «к коренному изменению биологических характеристик разумных существ путем целесообразного синтеза „естественных“ и „искусственных“ организмов и их частей» [20, с. 97]. Шкловский полагает, что разумные существа будущего могут состоять преимущественно из искусственных частей, к которым станут привычны, подобно тому, как люди в наши дни привыкают к зубным протезам. Обращает на себя внимание, что Шкловский говорит уже не о людях, а о разумных существах будущего. Налицо трансгуманистический идеал, которого фактически и придерживалась Семенова.

«Родоначальником философии космизма» С. Г. Семенова впервые называет

Н. Ф. Федорова в статье, вышедшей в свет в 1978 г. «Краткой литературной энциклопедии». Здесь также сказано, что Федоров «выступил с проектом „регуляции природы“ как сознательного этапа эволюции», а также о том, что «у Федорова новый космический статус человечества включает и его бессмертие, причем в полном составе прежде живших поколений („научное“ воскрешение)» [22, с. 755]. Для Н. Ф. Федорова и С. Г. Семеновой «сознательность» – это «острое ощущение неповторимости любой личности, глубокое страдание от утрат» [20, с. 89].

До тех пор, пока человек не испытывает такого острого чувства несправедливости, связанного со смертью, он «спит». При таком подходе христиане, которые не объединяются ради воскрешения родителей, «пассивны», а буддисты – духовно «спят». Вся человеческая культура в дофрейдовском «психоанализе» Федорова предстает попыткой предать забвению факт смертности человека. Люди делают все возможное, чтобы не помнить о том, что когда-то умрут. Тема эта перекликается с ницшевской трактовкой христианства как веры, которая отвлекает человека от реального мира к несуществующему. Не случайно Ницше в текстах Федорова выступает таким подростком, так и не дозревшим до необходимости общечеловеческой борьбы со смертью. С. Г. Семенова стремилась создать максимально гибкую терминологию, чтобы в ряды «космистов», последователей Н. Ф. Федорова, вошли многие мыслители. Понятия «активная эволюция» и «сознательный этап эволюции» на деле не предполагают ни космической эволюции в смысле В. И. Вернадского, для которого граница между живым и косным веществом принципиальна, ни каких-либо современных учений, утверждающих эволюцию в смысле духовного преображения своего микрокосма, преодоления в себе «ветхого человека».

У сторонников «учения о воскрешении» очень болезненное восприятие любой борьбы, любой конкуренции в природе и обществе, сама пища, которую мы едим, для них не что иное, как «прах предков, дающий плодородие почве и возросшим на ней растениям и животным» [20, с. 89]. Согласно Н. Ф. Федорову, «существенною, отличительною чертою человека являются два чувства – чувство смертности и стыд рождения» [21, с. 277]. Страшная за-

комплексованность характера Федорова сочеталась с необыкновенным размахом его мысли – мечтой переделать звездные системы с целью управления всем мирозданием с помощью человеческого разума. Указанные два чувства, согласно этому самобытному отечественному мыслителю, «сливаются в чувство преступности, откуда и возникает долг воскрешения, который прежде всего требует прогресса в целомудрии» [21, с. 278].

Федоров говорит об ужасе осознания своей смертности. Желание федоровцев прекратить деторождение восходит к чувству «стыда перед рождением», которое испытывал создатель этого учения. Как правило, зарубежные исследователи акцентируют это подавление естественной сексуальности федоровцами [23, р. 115].

С. Г. Семенова не считает Федорова женоненавистником. По ее мнению, «высочайшее представление о миссии женщины как „дочери человеческой“ лелеял он» [8, с. 33]. Но суть этого «высочайшего представления» сводится к перенаправлению женщины с естественной программы любви к мужчине и рождения детей на участие в проекте «воскрешения отцов». Сам Федоров «выбрал полный аскетизм, целомудрие», что интерпретируется Семеновой как «положительное девственное воздержание», «полное претворение родовой энергии в воскресительные и творческие мощности» [8, с. 34]. У Федорова все начинается и замыкается на идее участия в воскресительном проекте. Вопреки Семеновой, такое отношение мужчины к женщине и женщины к мужчине убивает саму любовь, убивает творческий потенциал, оно нарушает чувство красоты человеческой жизни, краткой, но могущей быть прекрасной, что зависит от усилий самих людей.

В учении Федорова присутствует неприятная сектантская составляющая. На идейную девственность в браке последователя «учения о воскрешении» Александра Горского указывает в своих воспоминаниях историк Н. П. Анциферов [24, с. 377–379], который познакомился с ним в лагере на строительстве Беломорканала в начале 1930-х гг. Одна из федоровских заметок не случайно носит название «Непорочность физическая и нравственная – непрременное условие бессмертия» [7, с. 200]. Федорову не отказать в смелости мысли, в колоссальной вере в будущие возможности человечества, но грубейший материализм, редукция всей

духовной жизни к необходимости участвовать в проекте всеобщего объединения ради воссоздания материи тел умерших отталкивает от культурно-просветительских программ сторонников этого учения.

В однотомнике сочинений Н. Ф. Федорова, изданного в 1982 г., в комментариях С. Г. Семеновой нет понятия «русский космизм», но указано на перекличку его идей с идеями Циолковского, Вернадского и Чижевского [25, с. 6]. Семенова в полемике не раз обосновывала принадлежность «учения о воскрешении» к христианству ссылками на положения книги «Бытия» Ветхого Завета, однако, по ее же словам, «само возникновение сознания, как и жизни, считает Федоров, могло быть случайным процессом» [25, с. 25]. Федоровцы в зависимости от ситуации бывают креационистами, но если ситуация требует иной риторики, могут позиционировать себя эволюционистами. С. Г. Семеновой непросто было бы пропагандировать учение Федорова, акцентируя его специфическую религиозную составляющую.

Звездный час подвижнической деятельности этой исследовательницы пробыл в годы «перестройки». Интеллигенция искала чего-то более глубокого, чем официальный советский марксизм. Горбачевская «гласность» сделала публично обсуждаемыми труды русских философов, упоминание которых в научной и популярной литературе ранее требовало оскорбительных ярлыков [26, с. 177–178, 180]. Огромный поток отечественной философской классики, которая в одночасье была осознана выражением подлинной мировоззренческой идентичности россиян, не позволял его тут же прочесть и глубоко осмыслить. В годы «перестройки» русский космизм был осознан как мировоззренческий фундамент интеллигенции, но этот набор представлений на деле не был общим для всех космистов учением.

Издание однотомника сочинений Федорова, тут же ставшего полузапретным, способствовало спустя несколько лет превращению его издательницы С. Г. Семеновой в одного из лидеров философской перестройки. В вышедшем в свет в 1988 г. 15-м томе альманаха «Прометей», посвященного 125-летию со дня рождения В. И. Вернадского, она впервые выдвинула комплексную концепцию русского космизма, положения которой потом стали кочевать без критического переосмысления из одного издания

Концепция русского космизма С. Г. Семеновой

в другое. Выражение «берет штурвал эволюции в свои руки» [27, с. 227], с помощью которого Семенов характеризует новый ее этап, здесь она использует применительно к идеям Федорова, при этом рассматривая их в комплексе идей созвучных ему мыслителей. Федоров в этой публикации Семеновой представлен впервые очень значительным мыслителем. Его представления о науке и ее будущем рассматриваются ею наряду с представлениями профессиональных ученых В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского, Н. Г. Холодного, В. Ф. Купревича, хотя ученым «создатель учения о воскрешении» не был. Ни у кого из перечисленных ученых не было, к примеру, федоровской идеи превращения Земли в огромный электромагнит для превращения ее в гигантский космический корабль [8, с. 347]. Можно восхищаться федоровской верой в потенциальное всеисцеление человечества, но его проект «регуляции природы» научных идей не содержит.

М. Хагемайстер в своей монографии, будучи на дистанции от русского космизма, описывает эту восходящую в первую очередь к работам С. Г. Семеновой целостную концепцию с Н. Ф. Федоровым у истоков и продолжателями его дела В. И. Вернадским, К. Э. Циолковским и А. Л. Чижевским. Хагемайстер, хотя и называет эту концепцию «в высшей степени спекулятивной и зачастую расплывчатой в понятиях» [28, S. 10], но не анализирует ее в деталях, не указывает, в частности, что учение о переходе биосферы в ноосферу принадлежит только В. И. Вернадскому, а не всем русским космистам, что идея полной победы над болезнями и смертью, идея порождения бессмертных сверхлюдей – это исключительно федоровские чаяния. В 1990-е гг. такая первичная нерасчлененность идей в представлении о русском космизме прочно укрепилась в научной литературе. С. Г. Семенова проделала огромную исследовательскую работу, не меньшие усилия вложив в пропаганду «учения о воскрешении» Федорова, используя для этого ставший легитимным и авторитетным русский космизм.

Список литературы

1. Utechin S. V. Russian political thought: a concise history. New York; London, 1963. 320 p.
2. Kline G. L. Religious and anti-religious thought in Russia. Chicago; London: Univ. of Chicago press, 1968. 179 p.

3. Голованов Л. В. К вопросу об идейных влияниях на К. Э. Циолковского // Труды Третьих чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского (Калуга, 17–19 сент. 1968 г.): секция «Исследование научного творчества К. Э. Циолковского». Москва, 1969. С. 3–15.

4. Алтайский К. Н. Циолковский рассказывает... Москва: Дет. лит., 1967. 288 с.

5. Гальцева Р. А. Вернадский, Владимир Иванович // Философская энциклопедия: в 5 т. Москва: Совет. энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 624–625.

6. Моисеев Н. Н. Модели экологии и эволюции. Москва: Знание, 1983. 64 с.

7. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Прогресс, 1995. Т. 2. 544 с.

8. Семенова С. Г. Николай Федоров: Творчество жизни. Москва: Совет. писатель, 1990. 384 с.

9. Ин. 14:30

10. Ин. 15:18-19

11. Ин. 18:36

12. Мф. 4:8-10

13. Буфеев К., прот. Православное учение о Сотворении и теория эволюции. Москва, 2014. 440 с.

14. Ин. 14:12

15. Ин. 11:11

16. Мф. 9:24

17. Мк. 5:39

18. Ориген. Восемь гомилий на Исаию // Богословские труды. Москва, 2013. Вып. 45. С. 11–66.

19. Семенова С. Г. К публикации статьи Н. Ф. Федорова о Фаусте // Контекст-1975: лит.-теорет. исслед. Москва, 1977. С. 315–343.

20. Семенова С. Г. Николай Федорович Федоров: (Жизнь и учение) // Прометей. Москва, 1977. Т. 11. С. 87–106.

21. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Прогресс, 1995. Т. 1. 518 с.

22. Семенова С. Г. Федоров, Николай Федорович // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Москва: Совет. энциклопедия, 1978. Т. 9. С. 755–756.

23. Scanlan J. P. N. F. Fedorov: The Philosophy of Action by Ludmila Koeler // The Slavic and East European Journal. 1981. Vol. 25, № 1. P. 115–117.

24. Анциферов Н. П. Из дум о былом: воспоминания. Москва: Феникс: Культур. инициатива, 1992. 512 с.

25. Семенова С. Г. Н. Ф. Федоров и его философское наследие // Федоров Н. Ф. Сочинения. Москва: Мысль, 1982. С. 5–52.

26. Львов В. Е. Загадочный старик. Ленинград: Совет. писатель, 1977. 271 с.

27. Семенова С. Г. Активно-эволюционная мысль Вернадского // Прометей. Москва, 1988. Т. 15. С. 221–248.

28. Hagemester M. Nikolaj Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München: Verl. Otto Sagner, 1989. 550 S.

References

1. Utechin S. V. Russian political thought: a concise history. New York; London, 1963. 320.
2. Kline G. L. Religious and anti-religious thought in Russia. Chicago; London: Univ. of Chicago press, 1968. 179.
3. Golovanov L. V. On the issue of ideological influences on K. E. Tsiolkovsky. Proceedings of the Third Readings dedicated to the development of the scientific heritage and the development of ideas of K. E. Tsiolkovsky (Kaluga, Sept. 17-19, 1968): sect. «Study of the scientific creativity of K. E. Tsiolkovsky». Moscow, 1969. 3-15 (in Russ.).
4. Altaisky K. N. Tsiolkovsky tells... Moscow: Det. lit., 1967. 288 (in Russ.).
5. Galtseva R. A. Vernadsky, Vladimir Ivanovich. Philosophical encyclopedia: in 5 vols. Moscow: Sovet. encyclopedia, 1970. 5, 624-625 (in Russ.).
6. Moiseev N. N. Models of ecology and evolution. Moscow: Znanie, 1983. 64 (in Russ.).
7. Fedorov N. F. Collected works: in 4 vols. Moscow: Progress, 1995. 2, 544 (in Russ.).
8. Semenova S. G. Nikolai Fedorov: Creativity of life. Moscow: Sovet. pisatel', 1990. 384 (in Russ.).
9. John 14:12.
10. John 15:18-19.
11. John 18:36.
12. Matthew 4:8-10.
13. Bufeef K., prot. Orthodox doctrine of Creation and the theory of evolution. Moscow, 2014. 440 (in Russ.).
14. John 14:12.
15. John 11:11.
16. Matthew 9:24.
17. Mark 5:39.
18. Origen. Eight Homilies on Isaiah. Theological works. Moscow, 2013. 45, 11-66 (in Russ.).
19. Semenova S. G. To the publication of N. F. Fedorov's article about Faust. Context-1975: literary theoretical research Moscow, 1977. 315-343 (in Russ.).
20. Semenova S. G. Nikolai Fedorovich Fedorov: (Life and Teaching). Prometheus. Moscow, 1977. 11, 87-106 (in Russ.).
21. Fedorov N. F. Collected works: in 4 vols. Moscow: Progress, 1995. 1, 518 (in Russ.).
22. Semenova S. G. Fedorov, Nikolai Fedorovich. Brief literary encyclopedia: in 9 vols. Moscow: Sovet. Encycl., 1978. 9, 755-756 (in Russ.).
23. Scanlan J. P. N. F. Fedorov: The Philosophy of Action by Ludmila Koeler. The Slavic and East European Journal. 1981. 25 (1), 115-117.
24. Antsiferov N. P. From thoughts about the past: memories. Moscow: Phoenix: Cultural initiative, 1992. 512.
25. Semenova S. G. N. F. Fedorov and his philosophical heritage. Fedorov N. F. Works. Moscow: Mysl', 1982. 5-52 (in Russ.).
26. Lvov V. E. Mysterious old man. Leningrad: Sovet. pisatel', 1977. 271 (in Russ.).
27. Semenova S. G. Active-evolutionary thought of Vernadsky. Prometheus. Moscow, 1988. 15, 221-248 (in Russ.).
28. Hagemester M. Nikolaj Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung. Munich: Verl. Otto Sagner, 1989. 550.